

Pospíšil, Ivo

**Риторические фигуры, нарративный потенциал и эпистемология русской классической прозы**

*Новая русистика*. 2016, vol. 9, iss. 2, pp. 176-179

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/136069>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

i zaujetí tématem, které až někdy hrozí baconovskými idolami (zejména idolou theatri). Bádání tímto směrem ukazuje na nezbytnost dívat se na literaturu z hlediska řady vědních disciplín, což ji zase vrací do hry rozehrávané dnešním diktátem vizualizace.

Ivo Pospíšil

[ рецензии ]

## Literatura:

- FANGER, D. (1978): *Gogol and His Reader*. Stanford.
- FEDUTA, A. (2015): „Kto b ni byl ty, o moj čitatel’...“. Minsk.
- SPIEKER, S., DRUBEK-MEYER, N. (eds) (1999): *Gøgøl: Exploring Absence. Negativity in 19th-Century Russian Literature*. Bloomington.
- POSPÍŠIL, I. (1983): *The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding; Fanger, Donald. Gogol and His Reader*. In: SPFFBU, D 30, Brno, s. 105–106.
- POSPÍŠIL, I. (1994): *Podivínství a šílenství jako podloží tvorby N. V. Gogola*. In: SPFFBU, D 41, Brno, s. 91–100.
- POSPÍŠIL, I. (2003): *Gogol jako experimentátor*. Alternativa Plus, 2003, č. 1–2, s. 98–100.
- POSPÍŠIL, I. (2004): *Gogolovi Starosvětští statkáři, mýtus o Filemonovi a Baukidě a problém ruského středověku a novověku*. In: NECHUTOVÁ, J. (ed.): *Druhý život antického mýtu. Sborník z vědeckého symposia Centra pro práci s patristickými středověkými a renesančními texty*. Brno, s. 227–235.
- POSPÍŠIL, I. (2009): *Nápaditá knížka o Gogolovi*. Novaja rusistika, 2009, č. 1, s. 105–108.
- POSPÍŠIL, I. (2010): *Tvorčestvo Gogolja v dvojnoj projekcii. (K sovremennym tendencijam gogolevedenija)*. In: DOHNAL, J., POSPÍŠIL, I. (eds): *Litteraria Humanitas XV, N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (Studie o živém dědictví)*. Brno, s. 339–347.
- SOKOLJANSKIJ, M. (2009): *Gogol': grani tvorčestva. Stat'ji. Očerki*. Odessa.
- VIDUGIRYTĖ-PAKERIENĖ, I. (2015): *Geografičeskoje voobraženije. Gogol'*. Vilnius

## Риторические фигуры, нарративный потенциал и эпистемология русской классической прозы

ИОСКЕВИЧ, О. А.: *Риторические фигуры и тропы в художественном произведении: смыслопорождающий и нарративный потенциал (на материале русской прозы первой половины XIX века)*. Монография. Гродно: Гродненский гос. университет, 2015. ISBN 978-985-515-882-1.

О. Искевич известна сравнительно широкому кругу специалистов по русской литературе как автор интереснейших статей и монографии о «безумном» нарративе. Ее диссертация основана на сугубо теоретическом, точнее нарратологическом исследовании, переплетенном с генеративным исследованием нарративного потенциала риторических фигур и тропов на материале русской литературной классики. Произведения для анализа и как иллюстрация избраны неплохо: «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погорельского (1828), «Пиковая дама» А. С. Пушкина (1833), «Блаженство безумия» Н. А. Полевого (1834), «Записки сумасшедшего» Н. В. Гоголя (1835), «Русские ночи» В. Ф. Одоевского (1844), «Двойник» Ф. М. Достоевского (1846); все они принадлежат к русской литературе первой половины позапрошлого столетия. Они связаны тематикой безумия, образуя авторские эпистемы как антиномии рациональных и интуитивных методов видения мира, что обуславливает и использование системы риторических фигур и тропов, определяющих, как автор утверждает, все уровни повествовательной структуры. Риторические фигуры и тропы, реализующиеся в стилистическом обрамлении понимания мира и человека, выступают, таким образом, как фактор изоморфности всех уровней повествования и как манифестация его целостности.

В самом начале следует отметить, что монография написана тщательно, продуманно и что ее основные тезисы аргументированы сравнительно богатым материалом. В работе, на мой взгляд, наблюдается, однако, внутренний конфликт, определенное, скорее плодотворное напряжение, которое носит, следовательно, как положительный, так и отрицательный характер, а именно между теоретически обоснованной конструкцией и историко-литературным контекстом. Хотя все анализируемые произведения относятся к первому этапу развития русской литературной классики, они представляют собой разные поэтические системы. Нельзы однозначно утверждать, что эта литература рефлексировала кризис мирозерцания по отношению к рационализму и иррационализму, так как эта эпоха в целом является последствием смешанных поэтологических модусов предромантизма, романтизма и рождающегося позитивизма/реализма; более адекватным выражением были бы лишь дескрипция, наблюдения и, главным образом, поиски новых путей проникновения в суть процессов внешних и внутренних, что привело, в конце концов, к образованию широкого пласта произведений мировой репутации на несколько десятков лет позже. Анализируемые произведения, следовательно, скорее особый эволюционный перекресток или форпост дальнейшего развития.

Я не вполне разделяю оптимистический вариант концепции изящной, «опрятной» целостности художественного произведения; там много всяких аномалий и «исключений», которые показывают, что они — кроме стремления

к целостности — предъявляют и потенциал новых поисков, разбивающих стилизацию целостности и изоморфности. Все-таки в рамках настоящего исследования можно предполагать, что риторические фигуры и тропы являются, несомненно, фактором целостности как проявление авторской эпистемы, хотя не в таком упорядоченном виде.

Книга строится на анализе стилевого функционирования риторических фигур и тропов как факторов целостности артефакта. С этой точки зрения она представляет релятивно замкнутую единицу, которую следовало бы более разомкнуть посредством методов компаративистики а жанрологии. Первый, т. е. сравнительный подход, встречается скорее в рамках изложений теоретической, даже философской литературы (что, опять-таки, можно по-разному критически комментировать), второй присутствует лишь слабо или менее выразительно, чем на наш взгляд следовало бы. Один из вопросов состоит, например, в более выразительном учете жанровой природы анализируемых произведений, стоящих иногда и на самой грани художественности и не-художественности, публицистичности, что, кажется, бросило бы совсем другой свет и на проблематику интегрирующей позиции риторических средств. Каждый анализ отдельных произведений, может вызвать критические заметки и комментарии, однако как составная часть преимущественно холистического исследования они являются лишь периферийными и несомненно менее значимыми.

В основном, работа строится на аргументированном разборе упомянутых выше произведений, она составлена системно, написана с глубоким знанием исторического и культурного фона и их манифестациями в самом художественном тексте. Работа, следовательно, относится к числу успешных попыток связать воедино текстуальные реализации авторских эпистем и их поэтолгические орудия с их теретическими надстройками как интегрирующими факторами художественных систем в смысле историко-литературного бытия, онтологии литературного артефакта.

Работа изобилует ссылками на концепции видных мировых философов, эстетиков и теоретиков искусства в общем и художественной литературы в особенности, что — поскольку мне известны такие работы из восточнославянской сферы — является положительным исключением и подтверждает высокий уровень диссертации, хотя можно было бы опереться и на оригиналы иностранных работ; некоторые пока не переведены на русский язык.

Кроме приведенных положительных оценок работы, к которым, сверх того, принадлежат и логичность выводов, серьезные раздумия о специфике художественной литературы и на фоне ее международного изучения, функцио-

нальный, но и эстетически значимый, релевантный язык и стиль изложения, следует констатировать, что работы автора известны и за пределами Беларуси и ареала восточной Европы.

*Иво Поспишил*

## Literatura:

IOSKEVIČ, O. A. (2015): *Ritoričeskije figury i tropy v chudožestvennom proizvedenii: smysloporoždajuščij i narrativnyj potencial (na materiale ruskoj prozy pervoj poloviny XIX veka)*. Grodno.

## Užitečná knížka ke Karamzinovu výročí

*М. М. Карамзин. В зеркале мемуаристики*. Составитель: Любовь Александровна Сапченко. Учебное издание. Ульяновск: Ульяновский гос. пед. университет им. И. Н. Ульянова, 2014. ISBN 978-5-86045-627-3.

Uljanovsk je zajímavé město už historií svého názvu, patrně z burjatsko-mongolských nářečí s přihlédnutím k místním jazykovým poměrům jde o „posvátnou horu“, návrší nad Volhou, kde kočovníci rádi stavěli své mohyly, poté, co se ostatní etymologie ukázaly jako materiálem neprokázané; výraz pochází patrně z 13.–16. století. Měnil název z původního Sinbirsk na Simbirsk (za Kateřiny II.), spojen je se zjetím Jemeljana Pugačova; od r. 1924 se podle původního jména Leninova jmenuje tak, jako dosud. Děly se ovšem pokusy vrátit městu jeho původní název, průzkumy názorů obyvatel však tento záměr odmítly. Poslední návrh na změnu je z roku 2015 a zní tak, že městu by se vrátil název Simbirsk, ale zůstalo by pojmenování Uljanovská oblast asi tak, jak je to se Sankt-Petěrburgem a Leningradskou oblastí. Ironií je, že univerzita nese jméno Ilji Uljanova (1831–1886), který by jako školský učitel nebyl vůbec všeobecně známý, nebýt jeho synů, hlavně mladšího Vladimira Iljiče Lenina. To svědčí o tom, že mistry retuše nejsou pouze Češi. Město není staré, vzniklo v 17. století jako pevnost proti nájezdníkům z východu; jeho populace je nyní převážně ruská, méně tatarská a ugrofinská, stopově ukrajinská, běloruská a německá. Ten úvod je funkční v tom smyslu, že Simbirsk/Uljanovsk se postupně stal důležitým centrem vojenským, ale také náboženským (křesťansko-muslimským), kulturním a vědeckým, město a jeho okolí je rodištěm dalších významných lidí. V bývalé Simbirské gubernii v usedlosti Znamenskoje, později Karamzinka, se